

— В таком случае, этот человек наверняка чем-то примечателен, раз Юй-шу счел нужным доложить о нем. Рассказывай, — Чжао Хуа вновь легко улыбнулся.

Юй Шэн сделал несколько шагов вперед и разложил перед ним нефритовую подвеску. Увидев ее, Чжао Хуа в изумлении изменился в лице. В спешке он даже не подумал отложить кисть, и чернила испачкали одежду, но он не обратил на это внимания. Схватив подвеску, он принялся внимательно ее рассматривать.

— Это дядина подвеска. Живее, пригласи того человека войти!

Юй Шэн кивнул и тут же направился к воротам встречать Цзыци и остальных. Чжао Хуа поднялся, несколько раз прошелся взад-вперед и обратился к стоявшей рядом служанке:

— Принеси мой плащ.

— Господин, ваше платье испачкано, — заметила та.

Чжао Хуа взглянул на пятна и вдруг рассмеялся:

— Ступай, передай Юй-шу: пусть разместят их в Павильоне Слушания Дождя, подадут горячий чай, суп, закуски и подготовят сменную одежду. А я... я переоденусь и приду к нему.

У ворот кучер в полном недоумении наблюдал, как лицо пожилого мужчины сменилось с сурового на подобострастное.

— Моя... моя повозка...

Юй Шэн нахмурился:

— В конюшне найдется, кому о ней позаботиться.

Цзыци же обратился к Юй Шэну:

— Кучер — не мой слуга, он местный житель. Будьте добры, отправьте кого-нибудь к нему домой, чтобы передать весточку, что он в безопасности.

Кучер кивнул и с обожанием посмотрел на Цзыци. Юй Шэн велел слуге проводить кучера, а Чэн Фан тихо последовал за Цзыци внутрь, даже не взглянув на изысканные постройки поместья. После того как личная служанка Чжао Хуа пошептала с Юй Шэном, тот стал еще почтительнее по отношению к Цзыци и лично проводил их в Павильон Слушания Дождя.

Чэн Фан посмотрел на приготовленную одежду, затем на свой промокший узел и замялся. Наконец, подняв голову, он спросил:

— Господин...

Цзыци сразу понял, о чем тот думает:

— Ничего страшного, бери любую. Сначала иди умойся, смотри, не заболей.

Чэн Фан молча взял синее одеяние и направился во внутренние покои. Глядя ему вслед, Цзыци едва слышно вздохнул. Плечи Чэн Фана на мгновение опустились, но он все же молча ушел мыться.

После того как они подкрепились закусками, наступили сумерки.

— Господин, пора отдыхать?

— Чэн Фан, ложись спать, я еще почитаю. — Цзыци взял книгу, которую просматривал ранее.

Чэн Фан бросил взгляд на заваленный книгами стол — он совершенно не понимал, что там написано. В его глазах отразились сомнения, но в конце концов он кивнул и ушел спать в боковую комнату. Лежа на кровати в одежде, он долго прислушивался к шуму дождя, но уснуть никак не мог. Спустя некоторое время до него донеслись звуки флейты — мелодия проникала в самое сердце, разгоняя летний зной. Звук приближался, но вдруг резко оборвался. Послышался приглушенный шепот, а затем воцарилась тишина.

При свете единственного огонька Цзыци сидел, склонившись над полупрочитанной книгой, на его губах играла легкая улыбка. При свете лампы его лицо светилось, словно нефрит, а весь облик казался неземным. В дверь постучали, и когда кто-то вошел, их взгляды встретились.

Пришедший вертел в руках флейту и вдруг улыбнулся:

— И впрямь, внешность выдающаяся. При свете лампы господин выглядит еще прекраснее.

Цзыци не встал, лишь холодно произнес:

— У тебя на душе беспокойно?

Тот вздрогнул, но тут же усмехнулся:

— Господин любит пошутить.

— Сыграем в го? — предложил Цзыци.

Тот кивнул.

Он сел напротив, положив флейту рядом. Цзыци достал с полки деревянную доску и поставил ее между ними. Они потянулись за камнями — один взял белые, другой черные. Незнакомец улыбнулся Цзыци.

Через четверть часа партия была окончена: Цзыци невозмутимо одержал победу.

Еще через четверть часа он победил снова, сохранив полное спокойствие.

Когда началась третья партия, противник замер с камнем в руке, не делая хода, и внезапно спросил:

— Ты совсем не любопытствуешь, кто я такой?

— А зачем? Очевидно, хозяин этого дома, — Цзыци поднял взгляд.

Тот кивнул, его улыбка стала шире. Он подался вперед, приближаясь к Цзыци, и, сжимая в руке ту самую подвеску, пристально посмотрел ему в глаза:

— Кем ты приходишься владельцу этой вещи?

— Мы с Чжао Сюем связаны узами жизни и смерти. Подвеску ты должен вернуть мне, — ответил Цзыци, не отводя взгляда.

— Узами жизни и смерти? — повторил тот несколько раз, а затем произнес: — В этом мире нашелся кто-то, кто его понимает. И кто бы мог подумать, что этим человеком окажется такой безупречный, словно нефрит, наследник знатного рода. Какая редкость.

Сказав это, Чжао Хуа поднялся, чтобы уйти. Уже у дверей он обернулся:

— Я Чжао Хуа, его племянник.

Цзыци оставался невозмутим. Он убрал камни, поставил книгу на место и, прислонившись к окну, слушал, как стихает дождь. Где-то заквакали лягушки. На лице Цзыци промелькнула легкая улыбка, и он лег спать.

Внутри нефритового браслета царило оживление.

Система Наложницы: Я буду оберегать улыбку моего божества!

Система «Каратель подонков» высунула кошачью лапку: — Я тоже буду!

Система Славы: Чжао Хуа — персонаж сюжета. Как думаете, визит хоста в поместье — это совпадение или расчет?

Система Славы: Чжао Сюй, убить двух зайцев одним выстрелом — отличный план.

Система Антагониста: Я же говорил.

Система Второстепенного Персонажа: Прошу, не нужно строить из себя провидца. Твои прошлые хосты никогда не были такими умными.

Система Антагониста: Эй, ты, Система Второстепенного Персонажа, с чего ты взяла, что

можешь насмеяться над интеллектом антагониста?

Система Белого Лотоса: Перестаньте ссориться! Хост еще не видел императора, вы забыли о задании по его обольщению? Согласно сюжету, император скоро начнет выбирать наложниц и супругу.

Система Наложницы: Система Кузины, не прячься, отвечай! После смены пола, как насчет остальных настроек?

Система Кузины: Я и так пол сменила, чего вы еще от меня хотите!

Система Наложницы: Черт, не надо было менять пол! Надо было оставить Цзыци мужчиной с женской душой, чтобы он соблазнил императора!

Система Очарования: Хватит, это я подсказала Системе Кузины такую идею.

Система Наложницы: Ну ладно.

В отличие от веселья внутри браслета, в боковой комнате Чэн Фан ворочался с боку на бок. Звуки дождя падали не на землю, а прямо ему на сердце.

На следующий день снова лил дождь.

В час змеи Чжао Хуа, переодевшись в ярко-синее одеяние с флейтой за поясом, вновь пришел в Павильон Слушания Дождя. Цзыци сидел у окна с книгой, Чэн Фан молча стоял позади.

— Вчера я плохо принял гостя, сегодня хочу пригласить вас осмотреть поместье. Что скажете?

— Как скажет хозяин.

Когда Цзыци поднялся, Чэн Фан последовал за ним. Чжао Хуа бросил на него взгляд:

— Тебе не обязательно идти.

Чэн Фан посмотрел на Цзыци, и тот сказал:

— Отдохни, посиди здесь немного.

Чэн Фан послушно кивнул.

Выйдя из павильона, Чжао Хуа усмехнулся:

— Твой слуга совсем не похож на слугу.

В браслете раздался вопль Системы Наложницы:

— Чэн Фан и Чжао Хуа будут делить одного мужчину!

От возбуждения Система Наложницы отключила барьер, и Цзыци услышал это. Лицо его осталось бесстрастным:

— Он изначально не слуга.

Цзыци повернул браслет, и Система «Каратель подонков», не удержавшись, свалилась с него. Система Очарования поспешно разорвала связь между системой и Цзыци.

Они шли, беседуя, и дошли до Беседки Слушания Дождя.

— Отсюда лучший вид, — Чжао Хуа протянул руку, ловя капли дождя, которые, стекая по его пальцам, падали в воду. — Дождь такой свободный. Мой дядя, как он?

Цзыци стоял рядом с Чжао Хуа, глядя на подернутую белой дымкой воду:

— Раньше было плохо, но отныне все будет хорошо.

— Вот и славно, — на лице Чжао Хуа отразилось облегчение.

В семье дядю считали примером, потом — безумцем, а после того как он ушел, о нем и вовсе перестали говорить. Но в ее сердце его существование стоило больше, чем все остальные вместе взятые.

Она смотрела на водную гладь, уходящую в бесконечность:

— Насколько велик мир? Дядя всегда мог обойти его весь. — Она до сих пор помнила, как дядя говорил, что хочет исходить весь свет, с юга на север, с запада на восток, чтобы исправить все несправедливости.

Цзыци внезапно посмотрел на столик в беседке, подошел к нему и, переведя взгляд с кипы книг, остановился на листе рисовой бумаги и кисти. Он тут же сел и, взяв кисть, уверенными штрихами, словно дракон, начертил несколько линий. Взяв лист, он подошел к Чжао Хуа:

— Вот он, мир.

Глаза Чжао Хуа устремились на бумагу: там была изображена карта всей страны, с отмеченными округами и уездами.

Цзыци указал пальцем на самый юг:

— Это округ Сян. Народ там почитает слонов, у них есть праздник слона, когда животные могут свободно гулять по улицам и есть что захотят...

Его палец переместился на север:

— Это округ Цзибэй. Легенда гласит, что в самый холодный зимний день там появляется сияние, и день не сменяется ночью — все вокруг залито светом. Если загадать желание, оно исполнится...

Затем он указал на крайний запад:

— Здесь бескрайние пустыни. Говорят, что перед самой смертью человек может увидеть там мираж...

И на крайний восток:

— Здесь безбрежный океан. Рассказывают о морских девах, чей голос сводит с ума, и о «море смерти», на котором человек может лежать, не погружаясь...

Цзыци продолжал указывать на каждый уезд, рассказывая об обычаях и нравах. Под затихающий шум дождя он закончил свой рассказ. Взгляд Чжао Хуа прошел путь от неверия до живого интереса, а затем — до глубокой печали.

— Жаль, мне за всю жизнь не увидеть ни одной из этих легенд. Можно мне оставить этот рисунок себе? — серьезно спросила она.

Цзыци разжал руку, и рисунок упал в воду. Чжао Хуа потянулась было его достать.

— Земля и небо огромны. Почему бы тебе самой не отправиться в путь? То, что говорят и видят другие — лишь их собственный взгляд.

— Но... — она ведь женщина. С древних времен ни одна женщина не могла путешествовать по свету. Все говорят, что участь женщины — следовать трем послушаниям и четырем добродетелям, стать добродетельной женой и матерью. Никто не говорил, что женщина может жить ради себя. Она — дочь знатного рода, наслаждающаяся богатством, роскошью и почетом, но за всем этим стоит долг: вырасти и послужить интересам клана. Мужчины идут на государственную службу, женщины становятся хозяйками домов или наложницами императора.

Она никогда не роптала, но чем больше читала, тем шире становился ее кругозор, и тем сильнее хотелось увидеть мир. Поэтому сейчас, когда в столице шли приемы, она спряталась в сельском поместье. Но максимум, на что ее хватит — это год. Сколько бы она ни бежала, дальше этой усадьбы она не уйдет. Она тосковала по дяде, разве это не было попыткой вложить свои несбывшиеся мечты в его жизнь?

Цзыци взглянул на гору книг на столе, но ничего не сказал.

— Господин, вы знаете, где сейчас мой дядя?

— Где он — не важно. Скоро он вернется в столицу.

Чжао Хуа, смотревшая на воду, вздрогнула и резко обернулась:

— Вы сказали, дядя вернется?

— Таланты, способные достичь небес, томятся впустую, не имея возможности проявить себя. Чжао Суй не хочет, чтобы его амбиции остались лишь мечтой. — Цзыци сказал это с двойным смыслом и взглянул на Чжао Хуа, та отвела глаза. — Подвеску я передал тебе от его имени, береги ее.

Сказав это, Цзыци развернулся и ушел, оставив Чжао Хуа одну с подвеской в руках, погруженную в забытие.

На следующий день шел мелкий дождь, Чжао Хуа не пришла. На третий день дождь прекратился, Цзыци попрощался, но Чжао Хуа не вышла его проводить. Когда повозка Цзыци уже отъехала далеко, на столе Чжао Хуа лежало письмо. Она с тяжелым сердцем дочитала его:

— Я думала, у меня есть хотя бы год покоя, не ожидала, что все случится так быстро. Новый император только взошел на трон, а они уже спешат сделать меня наложницей. Род Чжао... от достоинства знатного клана почти ничего не осталось.

Чжао Хуа повернулась к служанке:

— Поехали. Нам пора в столицу.

Служанка в страхе указала на одежду госпожи:

— Госпожа, ваше платье...

Чжао Хуа усмехнулась с самоиронией:

— И правда, я забыла. В поместье я могла носить мужское платье и вести себя как вздумается, но в столице я должна быть благовоспитанной дочерью знатного рода. — Она с бесконечной печалью вздохнула. — Переодевай меня. — В ее голосе слышалась и покорность судьбе, и горечь неволи.

Меньше чем через полдня повозка достигла столичных ворот. Цзыци зашел в трактир, а чуть позже повозка с гербом клана Се въехала в поместье на улице Дунмэнь. Стражники у ворот, увидев Се Цзыци, едва не лишились дара речи:

— Господин... господин...

Управляющий, вышедший к воротам, замер, а затем бросился к Цзыци:

— Господин! Как же вы вернулись один? Где слуги?

Цзыци взглянул на Чэн Фана и обратился к управляющему:

— Дядя Сюй, сначала войдем внутрь. Это Чэн Фан, выдели ему комнату.

Управляющий закивал:

— Я сейчас же доложу господину.

Он поспешил во внутренний двор, где господин Се пропалывал грядки, и закричал:

— Господин! Господин!

Господин Се обернулся и нахмурился:

— Тише ты! Старый господин спит внутри.

— Господин, молодой господин вернулся!

— Что?! — мотыга выпала из рук господина Се и с грохотом упала ему на ногу. Он взвыл, но тут же зажал себе рот рукой. — Старик Сюй, повтори!

— Господин, молодой господин действительно вернулся!

Господин Се бросил грядки и поспешил к выходу:

— Скорее, скорее! Я же говорил, мой сын удачлив, кто посмел сказать, что он утонул?

— Господин, может, переоденетесь? Вы же весь в грязи, — заметил управляющий, оглядывая господина Се в простой синей одежде, перепачканной землей.

— А что такого? — бросил он и почти бегом выскочил наружу.

— Хорошо, хорошо, — управляющий побежал следом и тут же врезался в господина Се, который внезапно остановился и обернулся.

— Господин, чего вы остановились?

— Старик Сюй, ты что, ослеп?

Они начали ворчать друг на друга.

— Ладно, ладно, ослеп.

— Старик Сюй, иди первым.

— Почему?

— Дорогу показывай!

Чэн Фан сидел на стуле, чувствуя себя не в своей тарелке, но стараясь сохранять невозмутимость. Цзыци пододвинул ему чашку чая:

— Пей, смочи горло.

Чэн Фан только сделал глоток и собрался поставить чашку, как снаружи раздался грубый голос:

— Сын мой, я так по тебе скучал!

Не успел он договорить, как Чэн Фан увидел мужчину в грязной, неопрятной одежде, с растрепанными волосами, но удивительно красивым лицом, который почти набросился на Цзыци. Чэн Фан вскочил. Управляющий ловко выставил руку, преграждая путь господину Се:

— Господин, у нас гость, будьте сдержаннее.

— Хе-хе, это, должно быть, гость моего сына? Ты из какого рода, юноша? — взгляд господина

Се впервые упал на Чэн Фана.

Тот смущенно ответил:

— Я сын рыбака.

Цзыци вкратце рассказал отцу, что произошло, и добавил:

— Чэн Фан — мой спаситель, я решил признать его своим младшим братом.

Господин Се радостно похлопал Чэн Фана по плечу:

— Рыбак — это хорошо! Наши предки тоже мотыгой работали. Ты выглядишь бодрым, будет время — пойдешь со мной на грядки.

Управляющий лишь молча закатил глаза. Чэн Фан посмотрел на господина Се, потом на Цзыци, но промолчал.

Проснувшийся старый господин Се, увидев внука и его новоиспеченного названного брата, тут же распорядился устроить пир. В поместье Се царило веселье, в то время как в императорском дворце сгущались тучи. Новый император внезапно потерял сознание перед утренним докладом. Новость скрыли, и вдовствующая императрица под предлогом траура по покойному монарху отменила аудиенции — прошло уже три дня.

Во дворце Цяньцин император все еще не приходил в себя. Приглашенные по очереди лекари лишь качали головами. Императрица перебирала четки, глядя на своего единственного сына, взошедшего на трон и теперь лежащего без чувств. Никто не смел встретиться с ней взглядом. При покойном императоре она была лишь императрицей, вынужденной терпеть капризы наложниц и постоянно бояться, что ее сына лишат титула наследника. Она наконец пережила мужа, отправила наложницу и ее сына из столицы, думая, что теперь может вздохнуть спокойно, но не прошло и нескольких дней, как ей снова пришлось дрожать за свое положение.

— Сяо Сань-цзы, передай указ: пусть господин Вэнь немедленно явится во дворец. — Лицо императрицы вновь стало спокойным, хотя пальцы судорожно сжимали четки. Раз она стала вдовствующей императрицей, она преодолет и эту преграду.

Сан Фэн принял указ, и господин Вэнь ночью прибыл во дворец. Войдя в покои, он прямо спросил:

— Сестра, что случилось?

Императрица бросила взгляд на Сан Фэна, стоявшего позади брата, и одобрительно кивнула. Затем, сохраняя невозмутимость, указала на коленопреклоненного лекаря:

— Господин Лю, ответь ему.

Лекарь доложил:

— Господин Вэнь, три дня назад император потерял сознание перед выходом к чиновникам и до сих пор не очнулся. Мы бессильны, причина не установлена.

— Сестра, ты вызвала меня, чтобы узнать правду? — господин Вэнь посмотрел на лежащего сына неба, и лицо его побледнело. С тех пор как император взошел на трон, он пользовался всеобщим почетом, но если император не проснется, небо рухнет, и он, опиравшийся на это небо, превратится в прах.

Императрица с досадой посмотрела на непутевого брата. Она уже обыскала весь дворец, но ничего не нашла. Если надеяться на него, то ничего и не добьешься. Но у него было одно достоинство: он умел слушать и выполнять поручения.

— Подойди, я скажу тебе, что делать.

Господин Вэнь подошел, выслушал ее и в шоке едва не закричал:

— Отдать дочь премьер-министра в императрицы? Мне придется упрашивать его? — он с тревогой посмотрел на сестру, проглотив остаток фразы.

— Распространи слух, что император собирается выбрать наложниц и супругу, и что будущая императрица будет выбрана из знатных семей. Постарайся наладить отношения с премьер-министром. Не верю, что он упустит шанс породниться с императором и обеспечить своей семье вечное процветание. Став тестем императора, он будет вынужден защищать нас с сыном. — Императрица все объяснила, а затем, видя непонимающий взгляд брата, со злостью добавила: — У меня уже есть одна головная боль, веди себя тише! Сделаешь все как надо — будут тебе награды, не сделаешь — небо рухнет, и тебе не выжить.

Господин Вэнь поспешно пообещал выполнить поручение, про себя бормоча: «Потерять лицо — невелика беда, дело житейское».

<http://bllate.org/book/19854/1954668>